
© Л.А. КОРОЛЕВА, А.А. КОРОЛЕВ

sansan@pnz.ru

УДК 94 (470.4):29

**СЛУЖИТЕЛИ ИСЛАМСКОГО КУЛЬТА В СССР
В ПЕРИОД 1940-1980 гг. (на примере Среднего Поволжья)**

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется мусульманское духовенство Среднего Поволжья по возрастному критерию, уровню образования и т.д., исследуется его деятельность (организационное устройство, элементы модернизации культа и т.д.), изучаются основные направления советской государственно-исламской политики на региональном уровне в 1940-1980-е годы.

SUMMARY. The article analyses the Muslim clergy of the Central Volga region by age criterion, level of education, etc. The given research also determines the activity of the Muslim clergy (organization structure, elements of cult modernization, etc.), as well as the basic trends of the Soviet state-Islamic policy at the regional level in 1940-1980s.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. СССР, ислам, мусульманское духовенство.

KEY WORDS. USSR, Islam, Muslim clergy.

Служители мусульманского культа и в советский период истории были серьезной пропагандистской и идеологической силой общества, они оказывали значительное влияние на формирование общественной психологии и мировоззрения определенной части советских людей. Поэтому советская власть стремилась контролировать духовенство, отслеживать происходившие в нем изменения.

Социально-политические и экономические перемены последних лет предоставили возможность отказаться от некоторых стереотипов, по-новому исследовать не «приветствовавшиеся» ранее темы. Актуальность темы связана и с тем, что религиозные деятели, которым ранее было запрещено заниматься политикой, ныне стали активными участниками общественно-политической жизни государства, в том числе и на региональном уровне.

В отличие от христианства, иудаизма и буддизма у мусульман отсутствует так называемое штатное духовенство, церковь как таковая с ее жесткой иерархией и четкой структурированностью; нет единого религиозного центра или общепризнанного лидера, как, например, патриарх у православных или папа римский у католиков.

Исламское духовенство Среднего Поволжья было представлено муллами (имамами) и муэдзинами. В середине 1940-х гг. в Татарской АССР было официально зарегистрировано 18 мулл, к 1954 г. их количество убавилось до 9, в 1956 г. насчитывалось 11; численность мусульманского духовенства Пензенской области с послевоенного времени возрастала до середины 1960-х гг. (с 5 до 11 чел.), потом до середины 1980-х гг. оставалась на одном уровне (11-10 чел.); муэдзины при мечетях до 1960-х гг. отсутствовали; в Ульяновской области на протяжении данного периода количество зарегистрированных служителей исламского культа варьировалось от 5 до 8, обязанности муэдзина в

зарегистрированных мечетях часто «выполняли разные лица из числа верующих»; в Куйбышевской области в середине 1940-х гг. было 7 мулл, к концу 1950-х гг. — 20 [1; д. 4, л. 24, д. 7, л. 29-об, 43]; [2; д. 26, л. 187]; [3; д. 55, л. 8]; [4; д. 3, л. 1, д. 5, л. 19-об, д. 30, л. 151].

Руководство мусульманским духовенством и верующими Среднего Поволжья находилось в ведении Центрального Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (г. Уфа).

Наряду с официальными, т.е. зарегистрированными имамами в Среднем Поволжье существовали «самозванные» или «нелегальные» муллы, которые занимались отправлением религиозных обрядов главным образом в сельской местности (в Куйбышевской области в начале 1950-х гг. насчитывалось 12 «самозванных» имамов; в Татарской АССР в 1961 г. — 379 «бродячих» мулл и т.д.) [4; д. 30, л. 1,74-147], [5; д. 19, л. 277].

Ключевыми проблемами мусульманского духовенства Среднего Поволжья являлись преклонный возраст имамов, отсутствие мулл в некоторых селах, низкий уровень образованности священнослужителей. Зарегистрированные служители мусульманского культа Среднего Поволжья характеризовались слабой включенностью в общественно-производственную деятельность, продолжительным стажем духовной деятельности, пожилым возрастом, часто отсутствием какого-либо светского образования. Так, в середине 1950-х гг. в Татарской АССР из 9 зарегистрированных мулл только 2 были заняты на производстве и в колхозе; 2 исполняли культовые обязанности еще до революции 1917 г., 2 — с предвоенного времени, 5 — с 1941 г.; возраст одного священнослужителя — от 40 до 59, остальных — 60 и старше; у всех нижешее общее образование; 2 имели высшее духовное образование, 5 — среднее, 2 — нижешее [1; д. 7, л. 29-об; 43-об; 47-об]. Аналогичной была картина в Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областях [1; д. 26, л. 197; 3, д. 84, л. 66].

К концу 1960-х гг. в практике мусульманского духовенства явно наблюдаются кризисные тенденции. Как заметил уполномоченный Совета по делам религий по Куйбышевской области, «муллы-профессионалы, имевшие богословское образование, давно вымерли. Сейчас в качестве мулл трудятся колхозники-пенсионеры, которые по уровню своего развития ничем не отличаются от остальных верующих. <...> Имеют преклонный возраст, Коран и богословие знают слабо. Избираются они общими собраниями верующих, как наиболее авторитетные и уважаемые граждане села. Но поскольку за их спиной прожитая жизнь, они хорошо знают быт и запросы верующих, а потому умело находят с ними общий язык» [4; д. 13, л. 35, д. 15, л. 26].

Мусульманское духовенство и верующие осознавали тупиковость данного положения и стремились исправить ситуацию. В результате уже к началу 1980-х гг. в Татарской АССР почти каждый шестой представитель духовенства имел среднее или высшее духовное образование, началось омоложение кадров. Например, в Пензенском регионе к 1986 г. из 13 служителей исламского культа 2 были в возрасте до 40 лет; 1 имел высшее духовное образование [2; д. 125, л. 21].

Мусульманское духовенство вынуждено было учитывать, что СССР являлся страной массового атеизма, и не все население составляли исключительно верующие. Данные обстоятельства активизировали поиск новых методов и форм религиозной практики и обуславливали понижение уровня требований к ве-

рующим в отношении соблюдения исламских обрядов и традиций. Как следствие, в 1969 г. во время проведения мусульманского праздника Курбан-байрам в Татарской АССР муллы разъясняли верующим, что для работающих граждан достаточно участия лишь в основной кратковременной части молитвы пророка, не занимающей много времени, после чего можно покинуть мечеть [6; д. 40, л. 5]. Особо подчеркивалась необязательность соблюдения поста для беременных, кормящих матерей. Хотя отдельные эпизоды чтения Корана на арабском языке присутствовали (Куйбышевская область), в целом же для Среднего Поволжья фактически в прошлом осталась практика чтения полного текста Корана («хатм Коран») [4; д. 30, л. 179].

Одной из важнейших обязанностей служителей мусульманского культа была проповедническая деятельность. Социальные и нравственные проблемы жизни советского общества — труд, образование, наука, национальные и семейно-бытовые отношения и т.п., постоянно находились в поле зрения исламского духовенства. Уполномоченный Совета по Ульяновской области С.М. Агафонов верно определил содержание и задачи проповедей служителей мусульманского культа: «<...> Мулла выступал <...> с проповедью, в которой призвал молящихся придерживаться вероучения ислама, во всем проявлять покорность и терпение, не обижать близких, родственников и товарищей по работе, старшим поучать младших, а младшим слушаться и повиноваться старшим, молиться за здоровье и благополучие свое и близких родственников. Цель проповеди — удерживать и закреплять веру не только за теми, кто посещает мечеть, но и за их семьями» [3; д. 84, л. 14]. Уполномоченный Татарской АССР подчеркивал: «В своих проповедях имамы мечетей, проявляя лояльность и уважение к конституционным требованиям и одобряя внешнюю и внутреннюю политику Советского государства, призывали верующих к строгому соблюдению догматов ислама, утверждали, что не всякий добродетельный поступок является истинным добром, а только такой, который сотворен глубоко верующим человеком: что нет и не может быть настоящей нравственности без веры в Аллаха, и поэтому религия необходима и при социализме; что нормы морали социалистического общества совпадают с нравственными предписаниями ислама, а положения ислама и его обряды подтверждаются научными данными» [1; д. 99, л. 90]. Обязательно в проповедях, особенно в сельской местности, звучали слова о вреде курения, пьянства и т.д. Н.М. Мофлюхун, имам мечети г. Чистополя Татарской АССР, говорил: «Водка — мать безобразных дел, начало всех грехов. Алкоголик разрушает религию ислам. Тот, кто дает деньги алкоголику, подобен соучастнику в убийстве» [1; д. 93, л. 47]. Данные сюжеты были актуальны для верующих мусульман и, что особенно важно, доступны для восприятия и понимания. Так, один из ульяновских мусульман сказал уполномоченному следующее: «Я не могу перевести то, что зачитывал мулла из Корана, но я хорошо понял те его слова, которые он сказал на нашем языке, слова о примерном поведении, о доброте, скромности, о дисциплине. Это неплохо. Так же и мы должны воспитывать своих детей». Подобные поучения и притягивают людей в мечети» [3; д. 133, л. 32]. По замечанию уполномоченного Совета по Куйбышевской области, «за такие проповеди верующие видят в лице мулл чуть ли не пропагандистов коммунистической морали и нравственности» [4; д. 11, л. 88].

В своих публичных выступлениях священнослужители мусульманского культа особое внимание обращали на единство национального и религиозного:

имам казанской мечети З. Сафиуллин на празднике Ураза-байрам (1982 г.) говорил: «То, что мы сегодня испытываем великую радость, существуем как великая нация — все это только благодаря благословенному исламу. И если мы отступимся от своей веры, упаси Аллах, то окончательно затеряемся среди других наций. Слава Аллаху, наше будущее возможно только под сенью нашей религии» [1; д. 111, л. 55].

С середины 1970-х гг. в проповедях духовенства Среднего Поволжья «красной нитью» стали звучать призывы к миру, что было связано с изменением международной обстановки. Так, в дни праздника Курбан-байрам 1977 г. в выступлениях мулл сельских мечетей А. Ахметвалеева (с. Новое Узеево Татарской АССР), З. Галиуллина (с. Старые Киязлы Татарской АССР), Н. Нурмухаметова (с. Курманаево Татарской АССР) особое внимание было уделено вопросам «борьбы народов за мир и посильное участие в ней верующих мечети», «мира на земле» и т.п. [1; д. 81, л. 129-130]. Муллы мечетей г. Ульяновска (В. Наруллов), с. Абдреево (М. Хайруллин) призывали верующих помолиться за правительство и «выражали пожелание ему и впредь заботиться о мире и не допускать войны» [3; д. 124, л. 2].

В общей же массе проповеди исламского духовенства Среднего Поволжья имели однообразный характер, повторялись из года в год, в них использовались, как правило, одни и те же аяты и высказывания из хадисов: мулла казанской мечети Х. Яруллин (Татарская АССР) текст праздничной проповеди в неизменном виде использовал 6 лет, мулла бугульминской мечети Г. Хамидуллин (Татарская АССР) более 8 лет выступал с одним и тем же текстом [1; д. 81, л. 2]. Ситуацию весьма красноречиво обрисовал имам с. Степное Озеро Н. Шаяхматов (1981 г.): «<...> Я выступаю с одной и той же проповедью с 1946 года. Эту же проповедь читали и мои предшественники. Она нас вполне устраивает. Потому что верующие никакого духовного образования не имеют и в мечеть ходят два раза в год. Вообще наша проповедническая деятельность затухает. Или им говоришь, или стенам — одно и то же» [1; д. 105, л. 65]. Безусловно, некоторые конъюнктурные моменты присутствуют, но в целом картина представлена довольно объективно. Верующих далеко не всегда принимали столь низкий уровень «компетентности» служителей культа: в 1969 г. в г. Чистополе (Татарская АССР) во время проповеди муллы Н.М. Мофлюхунова на празднике Курбан-байрам раздавались реплики «Это мы уже слышали», «Ничего нет нового» и т.п. [6; д. 41. Л. 20].

В связи с преклонным возрастом мусульманского духовенства и в силу их слабой «профессиональной» подготовки, некоторые из мулл не выступали с религиозными проповедями, а ограничивались поздравлениями верующих с праздниками и высказыванием пожеланий им благополучия и мира (особенно часто данное явление встречалось в Куйбышевской, Пензенской и Ульяновской областях), иногда зачитывали послания муфтия ДУМЕС или поздравительные телеграммы от религиозных объединений (Татарская АССР) [1; д. 99, л. 90].

В 1970-х гг. в Среднем Поволжье получила распространение практика представления проповедей мулл уполномоченным Совета и в комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах, что расценивалось как «проявление лояльности к органам советской власти» [1; д. 77, л. 36, д. 99, л. 90].

Служители мусульманского культа осознавали, что без преемственности поколений нет будущего ни у одной мировоззренческой системы, исходя из чего

мусульманское духовенство активнее начало уделять самое пристальное внимание приобщению к вере в Аллаха детей, подростков, юношей. С конца 1940-х гг. со стороны отдельных представителей мусульманского духовенства Пензенского и Куйбышевского регионов отмечалось стремление к организации специального преподавания ислама в мечетях для подраставшего поколения, мотивируя это тем, что «мы, старики, умрем, и Коран читать будет некому» [4; д. 3, л. 2], [7; д. 4617, л. 103]. Эта практика вскоре дала свои результаты: в 1961 г. бывшие учащиеся Средне-Елюзанской средней школы А.Ш. Бибарсов и Я.Х. Дебердеев подали заявления о принятии их на учебу в Бухарское духовное училище; в начале 1980-х гг. 7 молодых людей Татарской АССР обучались в Бухарском медресе, причем некоторые из них были членами ВЛКСМ, служили в рядах Советской армии [1; д. 105, л. 40].

Во второй половине 1940-х гг. правительство СССР разрешило паломничество советских мусульман в Мекку. Паломничество производилось за счет самих паломников, приблизительная стоимость «путешествия» оценивалась в 10000 рублей. Помимо достаточных материальных средств и крепкого здоровья желавшие совершить паломничество должны были получить рекомендации от уполномоченных, советских и партийных органов и органов госбезопасности. В 1960-х гг. паломникам разрешили посещать не только Мекку, но и другие центры ислама. Так, делегация верующих Татарской АССР в 1962 г. побывала по пути в Мекку и обратно в Каире, Джетде, Медине, Таифе, Бейруте, Александрии, Триполи, где проходили встречи с видными мусульманскими, общественными и государственными деятелями Египта, Саудовской Аравии, Ливии и Ливана. Как сообщало посольство, паломники в своих выступлениях допускали даже «чрезмерное приукрашивание положения религии и верующих в СССР» и оставили хорошие впечатления о СССР и жизни советских людей [1; д. 7, л. 43]. Постепенно процедура отбора паломников была систематизирована, и на места стали поступать разнарядки. Так, именно по разнарядке, поскольку «в настоящее время в республике нет иных лиц для направления в паломничество», в 1976 г. был разрешен хадж имам-хатыбу казанской мечети Т.С. Тазееву; в 1979 г. — Н.Х. Валееву и И.З. Зайнуллину [1; д. 93, л. 35-37].

Начиная с 1950-х гг. мусульманское духовенство, пытаясь «модернизировать» свое религиозное учение и вопреки ранее принятым обычаям, открыто стало привлекать женщин-татарок в мечети» [5; д. 5, л. 132]. Мухтасиб Я.С. Юсупов поощрял посещение женщинами мечетей, считая, что запрещение «Корана в данном отношении устарело, поскольку именно через семью, через женщину идет воспитание с детства религиозного убеждения в ребенке. Мулл, которые уклонялись от привлечения женщин в мечети, он называл «твердолобыми» [5; д. 5, л. 85]. В некоторых мечетях часть помещения была отведена специально для женщин, были оборудованы особые комнаты (г. Альметьевск Татарской АССР, с. Большой Труев, Татарский Канадей, Бестянка Кузнецкого района Пензенской области) [1; д. 93, л. 67], [5; д. 5, л. 131]. В 1960-х гг. обыденной практикой стало присутствие на намазах в мечетях женщин в Татарской АССР [6; д. 41, л. 5]; в г. Куйбышеве на жертвоприношениях вместе с мужчинами собирались и женщины (в сельской местности области — раздельно) [4; д. 9, л. 72].

Имам пользовался фактически непререкаемым авторитетом среди населения. В 1946 г. в с. Новое Усманово Камышлинского района Куйбышевской области

колхозники в дни праздника Ураза-байрам вышли на работу только после призыва муллы, проигнорировав все предварительные атеистические мероприятия властей [4; д. 3, л. 2-об]. Религиозные общины в с. Индерке Сосновоборского района, Бестянке Кузнецкого района Пензенской области самовольно, без разрешения построили жилые дома для мулл мечетей [2; д. 5, л. 24].

В Среднем Поволжье особо почиталось приглашение имама на дом для совершения молитвы, особенно в дни религиозных праздников — «разговение», «гостевание», что получило особое распространение в Ульяновской и Куйбышевской областях. Приглашение муллы на дом было дорогостоящим мероприятием: по оценке имама г. Ульяновска Мухаметова, каждый такой «вызов» в 1968 г., сопровождавшийся, как правило, обильным ужином и чаепитием, обходился хозяевам и организаторам в сумму не менее 50 руб. [3; д. 96, л. 139].

Некоторые муллы исполняли свои «служебные обязанности» небескорыстно. В 1967 г. председатель исполкома Черемшанского райсовета (Татарская АССР) П.С. Ковшов вынужден был разбираться в ситуации по поводу выплаты мечетью подоходного налога за муллу М. Ахсанова в течение нескольких лет [1; д. 22, л. 19]. Мулла уразовской мечети Ульяновской области А.Х. Сулейманов получал от мечети пенсию в размере 20 руб. [3; д. 133, л. 74].

Вывод, сделанный уполномоченным Советом по Пензенской области в 1960 г., оставался актуальным на протяжении всего периода: «Мусульманское духовенство всячески стремится разжечь религиозный фанатизм среди населения» [2; д. 5, л. 130]. Так, уполномоченный по Куйбышевской области еще в начале 1950-х гг. отмечал наличие среди мулл «<...> и таких, которые до сих пор не смирились с колхозным строем» [4; д. 3, л. 3-об]. Мулла Бакаевской мечети Камышлинского района А. Галимов сознательно проводил богослужения во время сельскохозяйственных работ с целью их срыва, в частных беседах проводил «свои антиколхозные толкования» [4; д. 3, л. 3-об]. В конце 1970—начале 1980 гг. верующие г. Чистополя Татарской АССР открыто выражали недовольство действиями, вернее, бездействием муллы Н.М. Мофлюхунова, который «отказывался отпевать погибших при исполнении воинского долга», поскольку «эти люди преждевременно ушли из жизни не в боях за ислам, а по иным причинам», не скрывал своего неприязненного отношения к членам КПСС и ВЛКСМ, осуждал интернациональное общение граждан, препятствовал заключению смешанных браков и т.д. [1; д. 136, л. 41-42]. Уполномоченный Совета по Пензенской области отмечал: противостояние с мусульманским духовенством иногда достигало такого накала, что последний вынужден был предупреждать священнослужителей о принятии к нарушителям советских законов о культах мер воздействия вплоть до снятия их с регистрации [2; д. 5, л. 132]. В 1959 г. был снят с регистрации «как антисоветский человек» мулла с. Благодаровка Челно-Вершинского района Куйбышевской области И.С. Яхин; в 1961 г. принудительно «уволнили» имам-хатыба мечети с. Камышла Куйбышевской области Т. Ахметшина за несоблюдение советского законодательства [4; д. 32, л. 68-70, д. 37, л. 62-63] и т.д.

В целом же к концу 1960-х гг. религиозная практика служителей мусульманского культа в Среднем Поволжье постепенно стабилизируется, «антисо-

ветские» крайности в их деятельности встречаются все реже. Да и само Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири «проводит очень осмотрительную политику, во внутреннюю жизнь религиозных обществ по существу не вмешивается, а в рассылаемых иногда разъяснениях стремится сдерживать мулл и верующих от наиболее вредных обычаев и поступков», требует «строгости соблюдения советских законов и пресечения деятельности религиозных фанатиков и шарлатанов» [4, д. 3, л. 24, д. 41, л. 67].

Таким образом, численность мусульманского духовенства в Среднем Поволжье (муллы и муэдзины) после всплеска в послевоенный период зафиксировалась на одном уровне. Мусульманское духовенство Среднего Поволжья характеризовалось высоким возрастным цензом и низким уровнем образования, как общего, так и духовного. В некоторых селах в связи с малочисленностью священнослужителей ислама их обязанности выполняли посторонние лица или старики-бабаи. Мулла, особенно в сельской местности, пользовался непререкаемым авторитетом, что выражалось и в материальной форме.

Мусульманское духовенство развивало активную деятельность, применяя самые разнообразные методы работы среди населения. Мусульманское духовенство Средневожского региона ориентировалось на максимальное приспособление идеологии ислама и деятельности религиозных объединений к условиям социалистического общества, модернизацию религиозных догматов Корана, сближение социально-нравственных принципов ислама и коммунизма, религии и культуры. Муллы, будучи в основной своей массе толерантными в отношении советской власти, все же иногда вступали в открытое противостояние, как по принципиальным вопросам веры (главным образом, в Татарской АССР и Куйбышевской области), так иногда и из корыстных побуждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ) Ф. Р-873. Оп. 1.
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО) Ф. 2392. Оп. 1.
3. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО) Ф. Р-3705. Оп. 1.
4. Государственный архив Самарской области (ГАСО) Ф. Р-4089. Оп. 1.
5. ГАПО Ф. 2391. Оп. 1.
6. НА РТ Ф. Р-873. Оп. 2.
7. ГАПО Ф. 148. Оп. 1.